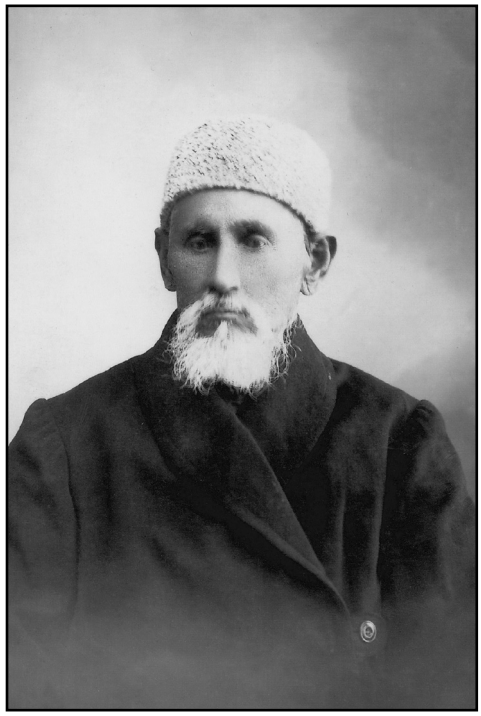
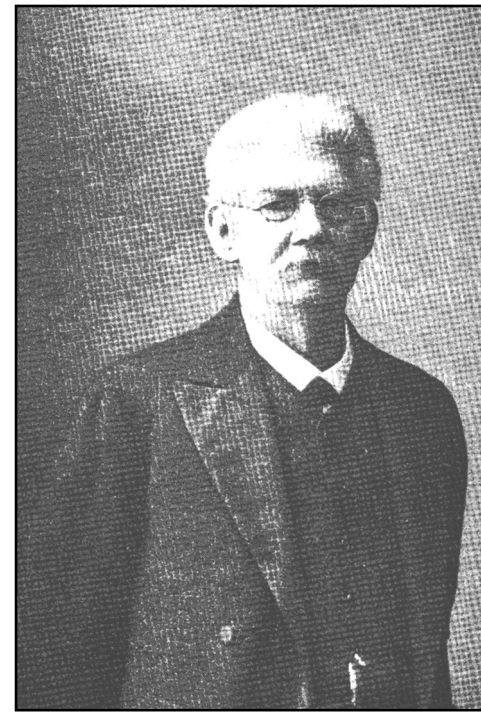
Мухаммед-Сафа Биккенин и Василий Васильевич Радлов:

*из истории первого в Казанской губернии татарского начального училища**

Развитие системы образования в последней четверти XIX в. было отмечено открытием ряда начальных народных училищ для обучения инородцев, населявших огромную Российскую империю. Они должны были давать учащимся, в отличие от национальных (мектебе, медресе), основы светского образования с обязательным обучением русскому языку. У истоков одного из таких начальных учебных заведений стоял Мухаммед-Сафа Биккенин — второй указный мулла приходской мечети

* Автор не ставил перед собой задачу детального анализа государственной политики и общей обстановки в национальном образовании в России в указанный период времени. Вместе с тем в оборот вводятся архивные документы, не публиковавшиеся ранее, и предпринимается попытка показать, как усилиями конкретных людей в татарской деревне на рубеже 1870-1880 гг. была создана первая в Казанской губернии начальная инородческая школа с обучением русскому языку. Со временем школа неоднократно реформировалась, но до настоящего времени существует и выполняет свою благородную миссию.

деревни 2-й Черемшан Тетюшского уезда Больше-Тоябинской волости (ныне деревня Черемшан Апастовского района Республики Татарстан).

Мухаммед-Сафа Биккенин родился 5 июля 1839 г. Детство и молодые годы будущего учителя прошли в родной деревне Черемшан, в большой семье, где у него было еще три брата и две сестры. Мухаммед-Сафа рос смышленым и трудолюбивым мальчиком, в нем рано проснулся интерес к учению, однако возможность учиться представилась не сразу, а только к 30 годам. На деревенском сходе его выбрали муллой прихода, и он был направлен в одно из казанских медресе, которое успешно закончил в 1872 г.[1]

В пореформенное время император Александр II издал ряд указов, направленных на дальнейшее развитие системы народного образования. Так, указом от 14 июля 1864 г. вводилось «Положение о начальных народных училищах»[2], которое гласило: «Начальные народные училища имеют целью утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания». При этом в училища могли поступать дети всех сословий обоего пола без различия в вероисповедании. В ст. 3 указывались предметы учебного курса, которые преподавались учащимся и велись только на русском языке: а) Закон Божий, б) чтение по книгам гражданской и церковной печати, в) письмо, г) первые четыре действия арифметики, д) церковное пение там, где преподавание его будет возможно.

Меры по развитию системы народного образования, безусловно, имели прогрессивный характер ввиду низкого уровня грамотности основного населения страны. На каждые сто человек почти шестьдесят были неграмотными[3]. Однако в ходе реформ образования следовало учитывать особенности России как многонациональной и многоконфессиональной державы. Политика обрусения вызывала явное недовольство нерусских народов и встречала резкое неприятие со стороны фанатично настроенного духовенства на местах.

Указ от 26 марта 1870 г. «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» в какой-то степени уменьшил остроту проблемы. В нем говорилось: «Ввидах облегчения детям татар-магометан и вообще детям инородцев — нехристиан — прохождения курса учения в городских и в сельских начальных училищах, а также в уездных училищах и в гимназиях, всех таковых детей освободить, независимо от посещения уроков Закона Божия: в городских и сельских начальных училищах — от чтения по церковно-славянским книгам, в уездных училищах — от изучения церковно-славянского языка, а в гимназиях — от изучения церковно-славянского, греческого и немецкого языков, — без ограничения притом прав и преимуществ для тех, которые при таких изъятиях окончили бы с успехом полный гимназический курс по прочим предметам»[4].

В такой обстановке М.-С. Биккенин заканчивал учебу в медресе. По времени это совпадало как с проводившейся в стране реформой образования, так и с расширением сети народных начальных училищ в Казанской губернии, для которых требовались грамотные учительские кадры, владеющие русским языком.

Следует отметить, что медресе давали качественное образование. В число основных учебных предметов, которые преподавались в каждом из них, в первую очередь, входили: изучение Корана и его толкований, хадисы (изречения пророка Мухаммада), история ислама и др. Кроме того, в учебный курс стали вводиться светские предметы, отвечавшие духу времени и соответствовавшие уровню общеобразовательной средней школы. Так, программа одного из крупнейших татарских учебных заведений казанского медресе «Мухаммадия» включала арифметику, геометрию, рисование (черчение), географию, физику (природоведение), историю России, всеобщую историю, историю тюркских народов, историю науки и классов, этику, фараиз (наука о разделе наследства), гигиену, право, риторику, психологию, логику, философию, методику преподавания, педагогику, арабский и персидский языки, арабскую литературу[5].

Определенное внимание уделялось изучению русского языка как государственно-

го, поскольку в будущем шакирды становились духовными лицами и им по долгу службы приходилось тесно взаимодействовать с властями Казанской губернии, где вся деловая переписка, как и во всей России, велась по-русски. Об уровне владения русским языком выпускников медресе свидетельствует документ, практически без ошибок собственноручно написанный М.-С. Биккениным[6]. Существенным подспорьем в освоении русского языка, неродного для большинства татар Казанской губернии, являлась изданная в университетской типографии «Грамматика». Ее автор лингвист-тюрколог В. В. Радлов в предисловии указывал, что она «…имеет целью быть учебником для татар восточной России вообще, и в особенности для шакирдов мусульманских медресе»[7].

В 1872 г. в Казани состоялось знакомство М.-С. Биккенина и В. В. Радлова. По возрасту они были почти ровесниками, но судьба уготовила им разные пути. Мухаммед-Сафа стал лицом духовным, открыл школу, учил в ней детей и всю жизнь прожил в родной деревне.

Что касается В. В. Радлова, то его биография интересна и богата различными событиями. Фридрих Вильгельм Радлофф (Friedrich Wilhelm Radloff) родился 5 января 1837 г. в Германии. Получив превосходное образование в Берлинском университете, он навсегда оставил родину и в 1858 г. переехал в С.-Петербург. Молодого доктора философии, защитившего диссертацию на тему «О влиянии религии на народы Азии», влечет интерес к России, к языкознанию и востоковедению. Спустя год он принял подданство России, отныне став Василием Васильевичем Радловым. Ему предложили место преподавателя немецкого языка и латыни в Барнаульском высшем горном училище, на что он ответил согласием. Зимой — преподавание, летом — экспедиции по Алтайскому краю, Западной Сибири и Средней Азии, где ученый собирал богатейший лингвистический материал, в том числе изучал местные наречия тюркского языка, проводил археологические раскопки. Находясь в Барнауле, он написал первые три тома монографии «Образцы народной литературы тюркских племен». Благодаря этому фундаментальному труду, имя В. В. Радлова стало широко известно в научном мире.

После одиннадцати лет жизни на Алтае В. В. Радлов решил вернуться в С.-Петербург. По пути в столицу он проезжал Казань и остался здесь на десять с лишним лет. Находясь в гостях у профессора духовной академии Н. И. Ильминского, В. В. Радлов неожиданно для себя познакомился с попечителем Казанского учебного округа П. Д. Шестаковым[8]. Это знакомство оказалось решающим. В. В. Радлов получил предложение возглавить руководство (в качестве инспектора) татарскими, башкирскими и киргизскими школами для детей-мусульман. Согласившись на эту должность, он был уверен, что здесь сможет продолжить свои научные изыскания, сумеет ближе познакомиться с языком и особенностями быта казанских татар и других народов Поволжья.

С присущей ему энергией и настойчивостью В. В. Радлов принялся за решение организационных дел. По поручению П. Д. Шестакова он отправился в столицу и, преодолевая немалые трудности, добился проведения в жизнь проекта об открытии татарских школ. В первую очередь нужны были педагоги, которые смогли бы взять в свои руки дело обучения детей татар-мусульман. Для этого должны были быть созданы специальные учебные заведения, имеющие задачу подготовить такие учительские кадры.

27 марта 1872 г. Государственный совет принял «Положение о татарских учительских школах в городах Уфе и Симферополе»[9], определил к ним штатное расписание и выделил денежные средства. С 1 июля и до конца 1872 г. из Государственного казначейства на каждую из школ было ассигновано по 6 760 руб. Начиная с 1 января 1873 г., школам начали отпускать по 13 520 руб. Из этих средств на содержание каждого учащегося ежегодно выделялось по 90 руб.

Согласно «Положению», татарские учительские школы имели «целью приготовление сведущих и опытных учителей в начальные училища татар». Первая из школ в г. Уфе должна была готовить педагогов

для Казанского учебного округа, вторая создавалась в г. Симферополе в Одесском учебном округе в центре компактного проживания крымских татар в пределах Таврического магометанского духовного правления. Несколько позднее, в 1876 г., была открыта аналогичная школа в Казани.

Создаваемые школы причислялись к средним учебным заведениям с четырехлетним сроком обучения и пользовались правами, аналогичными правам прогимназий. Выпускники данных образовательных учреждений могли приниматься в очередной класс гимназии без вступительных экзаменов.

В каждой из учительских школ выделялось по 40 мест для воспитанников — детей татар всех сословий в возрасте не моложе 15 лет. Все обучение предполагалось вести исключительно на русском языке и только мусульманское вероучение преподавать на татарском и арабском.

В обязательное число предметов входили: русский язык, арифметика с кратким курсом геометрии и черчения, история (основной упор делался на исторические события России), природоведение, основы педагогики и дидактики, чистописание, рисование и мусульманское вероучение. Кроме того, воспитанники занимались гимнастикой и обучались некоторым ремеслам, в частности переплетному и токарному делам.

Учащиеся старшего четвертого класса ежедневно в течение двух часов должны были проходить педагогическую практику в начальном татарском училище с русским классом, которое состояло при учительской школе. С этой целью для них устанавливалось по 12 часов уроков в неделю. Остальные воспитанники занимались на уроках 24 часа. Вместе с гимнастикой и изучением ремесел учебная неделя включала в себя 36 часов занятий. Наибольшее время выделялось на изучение русского языка: в первом классе — 9, во втором — 8, в третьем — 7 и в четвертом — 3 часа. Вторым предметом по числу часов была арифметика. Для вероучения отводилось только по три часа в первом и втором классах, а в третьем и четвертом — по два и одному часу соответственно. По-видимому, этого было достаточно, так как воспитанники учительской школы являлись выпускниками медресе, а там вероучение составляло основу всего учебного курса.

Лица, успешно окончившие школу, становились учителями начальных татарских училищ и должны были отработать в этой должности не менее шести лет, в противном случае возместить затраты на обучение и содержание за четыре года в размере 360 руб.

С началом формирования учительской школы в Уфе на плечи В. В. Радлова легли нелегкие хлопоты по подбору учителей и будущих воспитанников. Местное население всячески противилось и не хотело отдавать своих детей в школу из-за боязни обращения учеников в православие[10]. Вот что об этом вспоминал сам В. В. Радлов: «Когда в 1872 г. мне было поручено отыскать в г. Казани 5 учеников для Уфимской школы, то старший ученик 1-го медресе Биккенин первый подал прошение для поступления в эту школу, если только ему впоследствии возможно будет служить в Казанской губернии. Это заявление достойно уважения, потому что ему было уже 30 лет от роду (Биккенин был на три года старше Радлова. — *Р. Б.*) и что он был тогда уже выбран в муллы своего прихода, так что никакие внешние выгоды не могли его привлечь в школу, и что его родственники, здешние купцы, старались его всячески отклонить от этого намерения». И далее: «Уже 10-го августа инспектор школы Саинов, сообщая мне о прибытии казанских учеников, выразился следующим образом: казанские ученики, приехавшие ныне в Уфу, вывели меня из страшных затруднений, напрасно я старался до сих пор отыскать учеников, и когда казанские ученики поступили в школу и начали показываться в городе, то и здешние татары начали подавать прошения, здесь действовал пример таких почтенных личностей, как Биккенин и сын известного муллы Иманкулов»[11].

6 сентября 1872 г. в два часа пополудни состоялось торжественное открытие Уфимской татарской учительской школы. В присутствии учеников, преподавателей и приглашенных почетных граждан города выступили: попечитель Казанского учеб-

ного округа, тайный советник П. Д. Шестаков, инспектор школы Саинов и инспектор татарских, башкирских и киргизских школ округа В. В. Радлов, который произнес приветственную речь на татарском языке. В завершение школьный преподаватель вероучения Исхаков прочитал выдержки из Корана, затем ахун Уфимской соборной мечети совершил молитву[12].

Интересны подробности повседневной деятельности татарских учительских школ[13]. Все учащиеся школы имели однообразную одежду в соответствии с традициями татарского национального костюма. Каждый из них был одет в рубаху серого цвета, длиной ниже колен и застегивавшуюся сбоку, и серые суконные брюки (чалбар). Брюки по желанию носили на выпуск либо заправляли в мягкие козловые сапоги (ичиги) с подошвой из лошадиной кожи и пяткой зеленого цвета. Головным убором служил каляпуш (тюбетейка). На улице надевалась черная круглая мерлушковая шапка (бурек) с суконным верхом, коричневое пальто татарского покроя (холодное или теплое), а также калоши. В торжественных случаях носили рубаху синего цвета с серебристым галуном на воротнике. Во время совершения молитвы (намаза) воспитанникам полагалось одевать чалму белого цвета.

Каждый день учащегося школы начинался с подъема в шесть утра. Спустя час — чай с белым хлебом, затем с 8 до 12 часов — уроки с небольшим перерывом. Полчаса давалось на обед, и занятия продолжались еще в течение часа. После уроков под руководством специально приглашенного фельдфебеля-татарина воспитанники занимались гимнастикой. Наконец, в специально назначенные дни учащиеся совершенствовали свои навыки в переплетном, столярном и других ремеслах. В 6 часов вечера — ужин, во время которого, как и в обед, подавалось горячее мясное блюдо из говядины, в завершение — вечерний чай. В 9-10 часов вечера воспитанники отходили ко сну.

Мухаммед-Сафа был одним из лучших учеников учительской школы. Несмотря на то, что он был гораздо старше остальных воспитанников, трудился Мухаммед-Сафа настойчиво и добросовестно, своим примером увлекая товарищей по учебе. Сохранилась характеристика, данная ему В. В. Радловым: «До 1875 г. я имел постоянные наблюдения за Уфимской школой, и во все это время Биккенин считался образцовым учеником, который, несмотря на свой возраст и на то, что новое учение не давалось ему так легко, как молодым ученикам, занимался неутомимо и переходил из класса в класс в числе лучших учеников. Среди учеников школы Биккенин пользовался таким уважением, что инспектор школы мне справедливо мог выразить, что Биккенин просто исполняет должность надзирателя и что он вполне доверяет ему, потому что он оказывался всегда человеком добросовестным и откровенным, и ученики школы добровольно и охотно подчиняются ему как старшему»[14].

В 1874 г. из состава Казанского учебного округа был исключен ряд территорий. Государственный Совет образовал из Пермской, Оренбургской, Уфимской губерний и Уральской и Тургайской областей Оренбургский учебный округ.

С этого момента Уфимская школа перешла в подчинение нового руководства, а ее воспитанники, согласно распоряжению министра народного просвещения графа Д. А. Толстого, должны были распределиться по татарским училищам в Оренбургской губернии. Такое решение нарушало планы учащихся, прибывших из Казани. В их числе оказывался и М.-С. Биккенин, которого в родной деревне ждали односельчане, пославшие его на учебу, а также родственники, в первую очередь, престарелая мать и слепой брат, нуждавшиеся в опеке и заботе.

После окончания учительской школы Мухаммед-Сафа Биккенин обратился в Оренбургское магометанское духовное собрание с просьбой испытать его в знании религиозных правил. После успешно сданного экзамена 9 июня 1876 г. ему было выдано свидетельство о том, что «он оказался быть способным имамом, хатыпом и миодарисом», вместе с тем ему не предоставлялось право «исправлять духовные обязанности, впредь до утверждения его в духовном звании губернским начальством в

приход, в котором будет выбран»[15].

М.-С. Биккенин вернулся в родную деревню. 9 августа 1876 г. под руководством деревенского старосты Абдуллатыфа Аблязова собрался сход, где присутствовало 79 крестьян из 106 домохозяев, имевших право голоса. Всего же в деревне Черемшан тогда проживало 258 татар-мусульман. Рассмотрев все обстоятельства, сельчане большинством (78 голосов) вынесли свой приговор: ходатайствовать об определении Мухаммед-Сафы в приходскую мечеть вторым указным муллой. В этом случае «дети наши могут быть обучены не только читать и писать по-татарски, но и по-русски, так как второй мулла Биккенин на это способен»[16]. Безусловно, это был знак высокого доверия своему земляку со стороны односельчан, уровень грамотности которых в то время был невысоким.

Через два месяца, 15 октября 1876 г., в Казанском губернском правлении М.-С. Биккенин получил свидетельство на право быть имамом, хатыпом и мударисом в соборной мечети деревни Второй Черемшан Тетюшского уезда «для исправления треб, богослужения и всех духовных обязанностей магометанского закона по его сану».

Приступив к исполнению новых обязанностей, мулла оказался в непростой ситуации. Его, как выпускника Уфимской учительской школы Оренбургского учебного округа, предполагалось определить учителем одного из начальных инородческих народных училищ этого же округа. С другой стороны, В. В. Радлов, предлагая поступить в школу, обещал ему место преподавателя в Казанском учебном округе. Сложные семейные обстоятельства, обязанности в мечети и отсутствие денежных средств не давали возможности Мухаммед-Сафе выехать в Уфу для практических занятий по совершенствованию навыков русской разговорной речи и последующего назначения учителем, как предписывалось Министерством народного просвещения.

Около года шла переписка между двумя учебными округами и Министерством внутренних дел Казанской губернии по поводу прибытия М.-С. Биккенина в Уфимскую учительскую школу. 22 ноября 1876 г. Биккенин письменно обратился к казанскому губернатору, где, объясняя сложившуюся ситуацию, просил защитить его и помочь остаться на родине. Свое прошение он закончил словами: «Я, как учитель, буду стараться, чтобы ученики мои и в магометанском вероучении не наполнялись сведениями, возбуждающими фанатизм, но сделались полезными членами нашего великого Отечества, и что я, как имам, буду действовать в таком духе, чтобы прихожане мои поняли полезные намерения и стремления правительства»[17].

Материальная помощь одного из родственников, который 10 января 1877 г. внес 360 руб. в Казанское губернское казначейство, позволила решить этот вопрос. Возместив затраты на свое содержание в учительской школе теперь уже другого учебного округа, Мухаммед-Сафа смог остаться в деревне.

Вскоре М.-С. Биккенин обратился к В. В. Радлову с просьбой оказать содействие в открытии начальной школы для детей д. Черемшан. Был уже подобран и дом для будущей школы, но возникло новое препятствие. После нашумевшей истории с отказом прибыть в Уфу М.-С. Биккенин был известен в Министерстве народного просвещения как человек, проявляющий «упорную уклончивость исполнить лежащие на нем и принятые добровольно обязательства». Именно такую характеристику дал ему попечитель Оренбургского учебного округа П. А. Лавровский[18]. И в этом нет ничего удивительного: никому не хотелось просто так отпускать подготовленного учителя. С другой стороны, здесь имеется явная недосказанность. Выпускник учительской школы Биккенин, собираясь стать преподавателем, добровольного обязательства служить именно в Оренбургском округе не давал, а фактически оказался заложником решений, принятых в вышестоящих инстанциях.

В сложившейся ситуации мнение инспектора татарских, башкирских и киргизских школ Казанского учебного округа В. В. Радлова сыграло свою решающую роль. Он поддержал инициативу М.-С. Биккенина и 11 октября 1877 г. направил служебную записку на имя П. Д. Шестакова:

«Окончивший курс в Уфимской учительской татарской школе, ныне указный мулла деревни 2-й Черемшан Больше-Тоябинской волости Тетюшского уезда Казанской губернии Мухаммед-Сафа Биккенин в поданном на мое имя заявлении объяснил, что он желает открыть в своем селении в дер. 2-й Черемшан приходское училище с русским классом для обучения детей этого селения русскому и татарскому языкам и магометанскому вероучению… Так как не представлялось еще возможности открыть школу в деревнях Казанской губернии, поэтому я счел открытие этой школы очень полезным и покорнейше прошу Ваше превосходительство исходатайствовать разрешение на открытие школы в деревне 2-й Черемшан. Для содержания школы, по моему мнению, следовало бы ассигновать: на содержание учителя — 250 руб., магометанского вероучения — 50 руб., на наем квартиры — 60 руб., на отопление, освещение и наем сторожа — 70 руб., а всего — 460 руб. Сумму эту можно было бы ассигновать или из средств Министерства народного просвещения, или из 1 850 руб., ассигнованных на башкирские и другие инородческие школы по ст. 2, § 11»[19].

В ответ на просьбу В. В. Радлова П. Д. Шестаков представил через три дня ходатайство на имя министра народного просвещения графа Д. А. Толстого. Не возражая против открытия школы, министр высказал сомнение в целесообразности передачи этого дела в руки М.-С. Биккенина, в отношении которого у него имелась негативная информация. В конфиденциальном письме на имя П. Д. Шестакова он просил сообщить «о том, в какой мере Биккенин действительно расположен к ведению дела образования татар-магометан в духе действующих о сем правил и насколько можно полагаться на него в этом деле»[20].

Переписка на этот раз была недолгой. Уже 4 декабря 1877 г. В. В. Радлов подробно описал все обстоятельства дела и дал прекрасную характеристику Мухаммед-Сафе, отмечая, что Биккенин известен ему «с 1872 г. как человек вовсе не фанатичный, а как добросовестный труженик, всегда расположенный к ведению дела образования магометан в духе правительственных стремлений». Далее указал, что «он в настоящее время желает быть полезным деятелем на службе по учебному ведомству. Открытие школы со стороны муллы при настроении татарских обществ — предприятие нелегкое, которое для муллы может оказаться очень невыгодно и в материальном отношении». В качестве школьного учителя инспектор также рекомендовал Мухаммед-Сафу, отмечая, что не имеет «лица более способного на это, как мулла Биккенин, который всего легче может привлечь к себе учеников»[21]. Наконец, 14 января 1878 г. министр Д. А. Толстой лично дал разрешение на открытие «в деревне 2-й Черемшан Тетюшского уезда Казанской губернии одноклассного инородческого для татар начального училища Министерства народного просвещения с употреблением на содержание сего училища по четыреста шестидесяти руб. в год»[22]. Открытие долгожданной школы состоялось 16 февраля 1878 г. В школу было принято 35 учеников.

Мухаммед-Сафа был учителем от бога. Его старший сын Фатых (1880-1964), как и отец, стал муллой. Сыновья Тауфик (1884-1953) и Касим (1885-1944), дочь Масхуда (1902-1983) также учили детей, причем Касим и Масхуда преподавали в школе, которую создал их отец. Младший из сыновей Бари (1896-1981) окончил гимназию, Казанский университет и стал врачом, будучи кандидатом медицинских наук, доцентом, преподавал в Казанском медицинском институте. Профессию преподавателя унаследовали и другие потомки Мухаммед-Сафы. Внук Наиль Бариевич Биккенин (р. 1931) — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, преподавал в МГУ и МГИМО. Внучка Фидан Тауфиковна Яншина (Биккенина) — доктор философских наук, кандидат геолого-минералогических наук, в течение многих лет работала доцентом Новосибирского государственного университета. Еще одна внучка Лябиба Фатыховна Биккенина (1914-2001) — заслуженный учитель Республики Узбекистан.

Несколько лет назад дядя, родной брат моего отца, Талгат Хатыпович Биккенин рассказывал, что их дед Мухаммед-Сафа в 1910 г. побывал в С.-Петербурге на заклад-

ке соборной мечети (архитектор Н. В. Васильев). Сейчас она считается одной из красивейших северных мечетей, хотя в ее облике явно видны мотивы культовых сооружений Средней Азии. Строительство столичной мечети велось на деньги, пожертвованные мусульманами России. Разрешение на приобретение участка и последующее возведение собора дал император Николай II. Торжество прошло в присутствии многочисленных гостей. В их числе были: эмир Бухарский, офицеры-мусульмане, духовенство из разных губерний. По возвращении из С.-Петербурга Мухаммед-Сафа поделился с родными впечатлениями от поездки, сказав, что столица ему понравилась, но показалась серой и мрачноватой из-за высоких зданий и малого количества солнечного света.

Мухаммед-Сафа Биккенин скончался 1 марта 1924 г., похоронен в родной деревне. Прошло много лет, но жители Черемшана до сих пор помнят его за благородные стремления и дела. Лучшей памятью учителю является новая школа, оснащенная всем необходимым для обучения и воспитания подрастающего поколения.

Автор выражает искреннюю благодарность директору Национального архива Республики Татарстан Л. В. Гороховой, главному специалисту Л. З. Хасаншиной за помощь в поиске документов, своим родственникам Д. К. Биккениной, А. Р. Шахмаеву и Н. Г. Шириной (внучке и правнукам М.-С. Биккенина) за содействие в сборе материалов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 13147, л. 11.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – СПб., 1867. – Собр. 2. – Т. XXXIX. – С. 614.
3. Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. – Т. 10. Народное образование в России. – М., 1990. – С. 344.
4. ПСЗ. – СПб., 1874. – Собр. 2. – Т. XLV. – С. 314.
5. Амирханов Р. У. Некоторые особенности развития народного образования у татар в дооктябрьский период // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. – Казань, 1992. – С. 36.
6. НА РТ, ф. 2, оп. 2, д. 866, л. 28, 28 об.
7. Грамматика русского языка, составленная для татар восточной России. Ч. I. Этимология. – Казань, 1873.
8. Штернберг Л. Из жизни и деятельности Василия Васильевича Радлова (берлинский, алтайский и казанский периоды). – СПб., 1910. – С. XIV.
9. Циркуляр по Казанскому учебному округу. – 1872. – № 5. – С. 327.
10. Штернберг Л. Указ. соч. – С. XIX.
11. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 13147, л. 11, 11 об.
12. Циркуляр по Казанскому учебному округу. – 1872. – № 10. – С. 739- 742.
13. Траубенберг П. В. Татарская учительская школа в Казани. – Казань, 1890. – 26 с.
14. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 13147, л. 12.
15. Там же, ф. 2, оп. 2, д. 866, л. 9.
16. Там же, л. 2, 2 об., 3.
17. Там же, л. 28, 28 об.
18. Там же, ф. 2, оп. 2, д. 866, л. 34 об.
19. Там же, ф. 92, оп. 1, д. 13147, л. 6, 6 об.
20. Там же, л. 8-9 об.
21. Там же, л. 11.
22. Там же, л. 20.

Фото из личного архива автора.

Рафаэль Биккенин,
доктор технических наук